

АНАТОЛИЙ КОРЧИНСКИЙ

ФОРМАНТЫ МЫСЛИ

ЛИТЕРАТУРА И ФИЛОСОФСКИЙ
ДИСКУРС

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КУЛЬТУРЫ



КОММУНИКАТИВНЫЕ  СТРАТЕГИИ КУЛЬТУРЫ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АНАТОЛИЙ КОРЧИНСКИЙ

ФОРМАНТЫ МЫСЛИ

Литература и философский дискурс



ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 80/81
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К 70

*Издание осуществлено при поддержке
Программы стратегического развития РГГУ*

Редакционный совет серии:

М. М. Гиришман (Донецкий ун-т, Украина), М. Н. Дарвин (РГГУ, Москва),
И. В. Силантьев (председатель, Ин-т филологии СО РАН, Новосибирск),
Ю. Л. Троицкий (РГГУ, Москва), В. И. Тюпа (РГГУ, Москва),
Ю. В. Шатин (Новосибирский гос. ун-т), В. Шмид (Гамбургский ун-т)

Научные рецензенты:
д-р филол. наук, проф. В. И. Тюпа
д-р филос. наук, проф. А. Н. Круглов

Корчинский А. В.

К 70 Форманты мысли: Литература и философский дискурс. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 288 с. — (Коммуникативные стратегии культуры).

ISBN 978-5-94457-223-3

В книге рассматривается вопрос о специфике философского дискурса с точки зрения его взаимоотношений с литературой в интеллектуальной культуре XIX—XX вв. Анализируется ряд конкретных случаев из истории русской и европейской словесности, когда художественное слово становится инструментом философского познания и, наоборот, литература использует дискурсивные элементы философии для решения эстетических задач. Как показывает автор, «пограничные» процессы между двумя дискурсами оказываются значительно сложнее и разнообразнее, чем обычно представляется при анализе отдельных фактов литературно-философской мимикрии.

Герои исследования — Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, А. Кожев, Л. С. Липавский, Я. С. Друскин, А. И. Введенский, Ж.-П. Сартр, А. Камю, Б. Л. Пастернак, И. А. Бродский и другие.

Для филологов, философов и всех интересующихся историей культуры.

УДК 80/81
ББК 83.3(2Рос=Рус)

*В оформлении переплета использовано картина
Рембрандта Харменса ван Рейна «Размышляющий философ» (1632)*

ISBN 978-5-94457-223-3

© А. В. Корчинский, 2015
© Языки славянской культуры, 2015

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

Литература и философия на дискурсной карте культуры

1. Вместо введения: философский дискурс и литература.....	13
2. Философское высказывание и философское произведение	35
3. Событие мысли как коммуникативное событие.....	53
4. Ранний А. Кожев: опыт диалектической поэтики	66

Литература как философия и философия как литература

5. От иллюстрирования идей к «конкретной» философии: Ж.-П. Сартр и А. Камю	77
6. Философия вне философии: «исследования» Л. С. Липавского	97
7. Апофатическая эстетика Я. С. Друскина	114
8. Медиасофия «чинарей»: на пути к «поэтической критике разума»	123
9. Русский нигилизм и кризис художественной репрезентации	146

Философия литературы и философия в литературе

10. Размышление и рассказ: философы читают Ф. М. Достоевского	165
11. «Доктор Живаго»: философия на дискурсной территории романа	177
12. Философия поэтической формы и концепция времени у И. А. Бродского	190

13. К «поэтической гносеологии»: А. И. Введенский и И. А. Бродский	225
14. Фигуры речи и фигуры мысли в поэзии И. А. Бродского	241
15. Кто изобрел «нигилизм»? Семантика понятия в литературе и философии	251
Библиография	265
Материалы книги, опубликованные ранее	280
Именной указатель	282

ПРЕДИСЛОВИЕ

Главы этой книги не являются главами в строгом смысле этого слова, как это бывает, когда автор шаг за шагом, стараясь ничего не упустить, изучает интересующий его предмет. Скорее это некоторая серия опытов, и между ними, и в них самих много пустот. В то же время эти опыты связывает между собой единый мотив — попытка понять, в чем заключается специфика философского высказывания.

Наиболее загадочной при этом мне представляется граница между философией и литературой. Разумеется, философы могут писать тексты разной дискурсивной принадлежности — публицистические, литературно-критические, эссе различной стилиевой и жанровой природы. И наоборот, критики, журналисты, поэты могут высказываться по философским вопросам. В отдельных случаях бывает весьма нелегко квалифицировать, к какому именно «речевому жанру» можно отнести тот или иной текст. Существуют и так называемые переходные случаи между философией и публицистикой, различными формами рецепции художественных произведений и собственно поэзией и философией. Но существование «пограничных» явлений лишь подтверждает наличие границы и — главное — тех принципов, которые лежат в основе разграничения разных дискурсивных территорий.

По большому счету, «граница» это всего лишь визуальный образ, который вовсе не так адекватно, как хотелось бы, отражает существо дела. В реальных дискурсивных практиках мы сталкиваемся с великим множеством словесных воплощений философской мысли, чье культурное «гражданство» не всегда очевидно. Такие воплощения далее будут именоваться *«формантами мысли»*.

В лингвистике форманты — это словоизменительные или словообразовательные элементы, присоединяющиеся к основе слова и либо сообщающие ему определенные грамматические значения, либо об-

разующие от него новые лексические единицы. Я использую этот термин в метафорическом смысле. С одной стороны, таким образом я хочу показать, что мысль, даже если она существует «в чистом виде» в голове мыслителя, чтобы появиться в культурном пространстве, должна материализоваться, обрести форму. С другой стороны, термин «форманты» также схватывает важную особенность: мысль вариативна. Но при этом всегда существует проблема: если мы, например, станем рассматривать две содержательно близкие мыслительные конструкции, принципиально по-разному запечатленные в слове, должны ли мы будем в этом случае признать, что перед нами одна и та же мысль или же две самостоятельных мысли? Эта проблема сравнима с проблемой границы слова в лингвистике: одни форманты, как было сказано, меняют слово так, что возникшие единицы остаются его формами, а другие образуют совсем другое слово. То же и с бытованием философской мысли в разных областях словесной культуры. Если мысль можно воплотить в форме академического трактата и в форме лирического стихотворения, будет ли это одна и та же мысль? Как я постараюсь показать, ответы на этот вопрос могут быть довольно неожиданными.

Надо заметить, что множественное число «формантов» в названии — принципиально. Ведь помимо философской, существует мысль научная, политическая, моральная, художественная и т. д. Но я не буду говорить о мышлении вообще, меня интересует здесь мысль, релевантная в рамках философского знания. Но даже в этом узком секторе интеллектуальной культуры оказывается, что все не так просто и существует масса различных воплощений мысли. И, имея дело с формами, всякий раз нам приходится решать, по какому именно ведомству проходит та или иная мысль. Нахождение четких критериев, характеризующих специфическую конфигурацию, которая соединяет в себе философскую мысль и воплощающее ее слово и которая далее будет именоваться философским дискурсом, составляет основную цель предлагаемых опытов. Мне вряд ли удастся в полной мере достигнуть ее в работе, предлагаемой вниманию уважаемого читателя, однако кое-какие шаги в этом направлении я постараюсь сделать.

Но прежде чем приступить к этому предпрятию, я хотел бы поблагодарить моего друга Юрия Троицкого за неоценимую моральную поддержку, позволившую мне взяться за подготовку книги. Некоторые части работы, позднее ставшие главами, ранее публиковались мною в виде статей, но значительная доля текста написана специ-

ально для этого издания. В разное время полезные мысли по поводу обсуждающихся здесь вопросов высказали мои замечательные коллеги Игорь П. Смирнов, Валерий Тюпа, Оге А. Ханзен-Леве, Илья Кузнецов, Юрий Шатин, Сергей Фокин, Татьяна Артемьева, Райнер Грюбель, Наталия Азарова, Аркадий Перлов, Юрий Филиппов. Большое спасибо! И разумеется, совершенно невозможно умолчать о материальной стороне дела: работа выполнена в рамках одного из научно-исследовательских проектов Программы стратегического развития РГГУ, дирекции которой я выражаю искреннюю признательность.

Литература и философия
на дискурсной карте
культуры



1. Вместо введения: философский дискурс и литература

В XX в. философия проявила беспрецедентный интерес к языку вообще и к своим собственным языковым воплощениям в частности. Можно выделить по меньшей мере три исследовательские программы, ориентированные на изучение словесной стороны философского мышления.

Первая из них — логический анализ языка, предпринятый в рамках аналитической философии Г. Фреге, Б. Расселом, Л. Витгенштейном и др. Характерной особенностью данной программы было то, что аналитиков интересовала исключительно референтная сторона отдельных языковых выражений, продуцируемых философами. Вопросы же, связанные с особенностями текстуальной организации, условиями производства и восприятия философских высказываний, характеристиками «внутреннего мира» философского произведения, фактически оставались за кадром. Прежде всего, их заботила своего рода «гигиена» мысли — выработка правил, согласно которым могут производиться адекватные высказывания о мире. Впоследствии намеченная аналитиками перспектива обогатилась исследованием коммуникативной природы философского высказывания у Дж. Серля, применившего в рамках этой темы теорию речевых актов Дж. Остина, и концепцией философии как особого «жанра» Ю. Хаберамса.

Вторая исследовательская линия связана с феноменологической и герменевтической традициями и в первую очередь ассоциируется с именем М. Хайдеггера, а также — по-разному развивающимися его подходы Г.-Г. Гадамера и Ж. Деррида. Эта традиция, делающая особый акцент на словесной ткани философского произведения, основывается на глубинной аналогии и даже сущностном сродстве между философией и поэзией, если и не настаивая на их текстуальном сближении, то, по крайней мере, показывая возможности для их корреляции и взаимодействия. Думается, именно благодаря авторитету этой программы с повестки дня современной мысли не сходит философия

художественного произведения, предписывающего те или иные стратегии самой философии. Достаточно упомянуть таких известных авторов, как Ф. Лаку-Лабарт, Ж. Рансьер, Дж. Агамбен. К этой же тенденции я осмелюсь отнести Ж. Делеза и А. Бадью, которые, адресуясь к разным мыслительным традициям и временами оппонировав хайдеггеровской линии, полагают, что «равнение» на художественные языки является императивом для современной философии.

Третья программа, имеющая большое значение для нижеследующего анализа, это религиозно-ориентированная русская философия конца XIX—XX в. (В. С. Соловьев, В. В. Розанов, Л. И. Шестов, Н. А. Бердяев) и особенно приверженцы имяславия П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев, С. Н. Булгаков. Одной из насущных задач философствования этого рода становится поиск не только языка, но и новых мифопоэтических средств для философского постижения сверхрациональных сущностей, наиболее адекватно схватываемых посредством религиозной веры. Не удивительно, что большинство мыслителей, которых можно отнести к данной традиции, уделяли большое внимание художественной литературе, располагающей, по их мнению, необходимыми познавательными ресурсами для подобной работы, одобряли и даже практиковали сближение философского и художественного текста (В. В. Розанов, П. А. Флоренский, Л. П. Карсавин; к этому же типу философской дискурсивности принадлежат произведения Я. С. Друскина, выполненные в рамках иной системы философско-эстетических координат, но также связанные с религиозным поиском).

По поводу всех трех программ при всех очевидных различиях между ними можно заметить следующее: каждая из них стремится не столько *описывать* и объяснять природу философского слова как предмет исследования, сколько *предписывать*, каким этому слову следует быть для достижения тех или иных эвристических результатов. По сути, мы имеем дело с современными *нормативными* поэтиками философского дискурса. Как и в ходе литературного процесса, само размышление над языком начинается тогда, когда его собираются изменить. Кроме того, для нашего дальнейшего изложения важно то, что каждая из этих тенденций связана с тяготением философии к иным сферам производства знания, расположенным за ее собственными пределами, — наукам о природе, поэзии и религии¹.

¹ При желании можно также заметить и другие дискурсивные тяготения философии XX века, например интерес к политическому. А вслед за Аленом Бадью,

Собственно же исследования феномена философской речи, философского текста и — шире — философского дискурса начались значительно позднее, а систематическими они становятся, пожалуй, только в наши дни. Сегодня они ведутся как на территории самой философии (из наиболее известных подходов я бы отметил «теорию аргументации» Х. Перельмана и Л. Ольбрехт-Титеки², а в России — работы В. В. Бибихина и Н. С. Автономовой³), так и в филологических дисциплинах⁴.

Естественно, что такие исследования часто включают в себя сравнительный анализ высказываний, считающихся философскими, с иными, близкими, типами речи — научной или художественной. В особенности интерес исследователей прикован к взаимодействию художественного и философского дискурсов. Этот интерес закономерен в свете тех культурных процессов XIX—XX вв., которые одни авторы квалифицируют как дискурсное сближение или даже «конвергенцию» философии и литературы, а другие расценивают как взаимодействие самостоятельных и устойчивых структур в системе дискурсов данной эпохи. Существует также точка зрения, что в XIX—XX вв.

называющим такие вторжения философии на территорию других типов мысли «швами», можно указать и на стилистическую интерференцию с «дискурсом любви» — психоанализом (см.: *Бадью А.* Манифест философии. СПб.: Machina, 2003). Однако выявление таких «швов» может завести нас довольно далеко, тем более в названных выше трех случаях имеет место обширный метатекст об исконной научной, художественной или религиозной подоплеке философского высказывания, а в случае политики и т. п. такого метатекста, пожалуй, пока еще нет, хотя в отдельных случаях можно наблюдать его элементы.

² *Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L.* The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1969.

³ *Бибихин В. В.* Язык философии. СПб.: Наука, 2007; *Автономова Н. С.* Заметки о философском языке: традиции, проблемы, перспективы // Вопросы философии. 1999. № 11. С. 13—28; *Автономова Н. С.* Познание и перевод. Опыт философии языка. М.: РОССПЭН, 2008; *Она же.* Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. М.: РОССПЭН, 2009. С. 351—441; *Она же.* Философский язык Жака Деррида. М.: РОССПЭН, 2011.

⁴ См., например: *Бальбуров Э. А.* Литература и философия. Две грани русского логоса. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 2006; *Она же.* Русская философская проза. Вопросы поэтики. М.: Языки славянской культуры, 2010; *Азарова Н. М.* Язык философии и язык поэзии — движение навстречу (грамматика, лексика, текст). М.: Логос; Гнозис, 2010; *Она же.* Типологический очерк языка русских философских текстов XX века. М.: Логос; Гнозис, 2010.

литература (искусство) становится фактором переустройства всей дискурсной карты европейской культуры⁵.

Так или иначе, в контексте любого сопоставления важно определить, что именно мы сопоставляем с тем, что нам в той или иной степени уже известно. В этой книге предпринимается попытка, исходя из сложившихся представлений о дискурсных границах философии и литературы, понять, в чем заключаются специфические особенности философского дискурса, не только допускающего стилистическую мимикрию и использование приемов художественной речи, но и делегирующего литературе специфические полномочия, связанные с производством знания, и не теряющего при этом свою дискурсную идентичность.

Я буду исходить из вполне классических представлений о дискурсе, разработанных в рамках «археологии знания» Мишеля Фуко, «французской школы анализа дискурса» Мишеля Пеше и «критического дискурса-анализа» Тена ван Дейка.

В своей инаугурационной лекции в Коллеж де Франс 2 декабря 1970 г., известной под названием «Порядок дискурса», Фуко предостерегал от отождествления «дискурса», с одной стороны, с «мыслью, облеченной в... знаки, мыслью, которая становится видимой благодаря словам», с другой стороны, «со структурами языка, которые, будучи приведены в действие, производили бы эффект смысла»⁶. Именно этим, по его мнению, грешат философия и наука, избегая говорить о тех социокультурных механизмах, которые определяют режимы производства и восприятия высказываний и организуют «мысль» и «речь» в специфические для данного исторического периода конфигурации. В традициях школы Пеше дискурсом именуется не сам корпус речений, высказываний и текстов, а «высказывание, рассматриваемое с точки зрения... механизма, который им управляет»⁷. Поскольку дискурс в этом смысле диктует сами позиции адресанта и адресата, их

⁵ См. об этом: *Риддингс Б.* Университет в руинах. М.: ГУ ВШЭ, 2010; *Ахутин А. В.* Поэтическая идея культуры [Электронный ресурс] // «Диалог культур XXI». URL: <http://www.culturedialogue.org/drupal/ru/node/1328> (дата обращения — 24.10.2014).

⁶ *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 75, 76.

⁷ *Guespin L.* Problematique des travaux sur le discours politique // *Langages*. 1971. № 23. Р. 10. Цит. по: *Серуо П.* Как читают тексты во Франции? // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 27.

способ видения мира и коммуникативного поведения, а также задает стратегию понимания того предмета, о котором идет речь, удобно вслед за ван Дейком, определить его как «коммуникативное событие», подразумевающее единство «языковой формы, значения и действия» и не сводимое к отдельному высказыванию, тексту или разговору. «Говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию»⁸. При этом контекст коммуникативного события включает в себя не только конкретные переменные вроде прагматических устремлений коммуникантов, тех ролей, которые они разыгрывают, официального или неофициального характера ситуации общения и т. п. Важно также, в рамках каких институтов⁹, интеллектуальных сетей¹⁰ и сообществ производится, распространяется и потребляется дискурс.

С моей точки зрения, дискуссии последних десятилетий о специфике философии не только свидетельствуют о росте интереса к вербально-текстуальной стороне философского творчества, что бы под этим ни понималось, но и тяготеют к строгому рассмотрению философии как дискурса.

Приведу один пример. В диалоге о статусе русской философии, состоявшемся в 2001 году в редакции журнала «Логос» между философами М. К. Рыклиным, Б. Гройсом, В. А. Подорогой, И. П. Смирновым, Н. С. Плотниковым, А. Хаардтом, Э. Свидерски и др.¹¹, в качестве одного из основных критериев существования философского дискурса выдвигается институциональный критерий, связанный с механизмами производства и рецепции философского знания. Михаил Ямпольский сомневается в том, что философская мысль вписывается в деятельность некоторых социальных институтов. Скорее наоборот, считает ученый, она выполняет критическую и дестабилизирующую функцию по отношению к ним¹². Однако заслуживает интереса ответ, который дает на это Николай Плотников:

⁸ Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртене, 2000. С. 122.

⁹ Серю П. Указ. соч. С. 29.

¹⁰ См.: Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

¹¹ Русская философия: Вердикт, реальность или/и миф? Круглый стол // Логос. 2001. № 4 (30). С. 115—128.

¹² Там же. С. 118.

Здесь, по-моему, происходит смешение понятий. Слово «институты» очень часто употреблялось в различных смыслах. Возьмем, в частности, замечание по поводу дестабилизирующей функции философии. Я вовсе не отрицаю, а, более того, поддерживаю мысль, что философия является критикой институтов, но при этом я мог бы сформулировать такое парадоксальное утверждение, что философия является институтом для критики институтов... И я предлагаю не рассматривать институты в кристаллизованном виде, в виде абстрактной системы. Потому что институт — это не обязательно то, что санкционировано государством. Вы сами говорили о новых учебных заведениях, в которых вы преподаете. Это тоже есть форма институционализации. Именно таким образом вы можете транслировать философскую аргументацию, тем, что вы передаете студентам, организованным в некоторое сообщество¹³.

Расширяя значение понятия «институты», выступающего необходимой рамкой дискурса, исследователь приближается к представлению о дискурсивности, свойственному школе Пеше, упомянутой выше. Следует, однако, уточнить, что чрезмерное расширение этого понятия может приводить к потере специфики развития именно философской дискурсивности и что помимо институтов в истории философии значимым фактором являются, например, сообщества, не включенные ни в какие институциональные рамки, противостоящие им или же, напротив, организующие взаимодействие между независимыми индивидами и институтами. Например, в русской философии были распространены разного рода «кружки» (от кружка Станкевича до кружка чинарей в XX в.), «собрания» или «общества» (например, Религиозно-философские собрания 1901—1903 гг. или Религиозно-философское общество памяти В. С. Соловьева). Вообще, надо заметить, что термины «институт» и «сообщество» в расширительном смысле (например, в выражениях «философия как институт» или «научное сообщество») в сегодняшних теориях часто перекрывают друг друга: сообщества могут действовать внутри институтов, а институты создаются сообществами¹⁴. По всей видимости, выбор термина позво-

¹³ Русская философия: Вердикт, реальность или/и миф? Круглый стол // Логос. 2001. № 4 (30). С. 125.

¹⁴ Отчасти отношения между этими терминами позволяет упорядочить понятие «сеть», по крайней мере в том смысле, в каком его применяет Рэндалл Коллинз в своей «социологии философий», и, возможно, им и стоило бы пользоваться

ляет подчеркнуть различные оттенки одного и того же: «институты» акцентируют внимание на некоторой безличности механизмов производства знания, оставляют простор для разговоров об идеологических тенденциях или рычагах контроля (что очень важно для критических подходов к дискурсу); «сообщества» — менее «жесткий» термин, позволяющий рассуждать о социальных процессах, прагматических траекториях различных групп, конкуренции школ и т. п. В рамках нижеследующего анализа будет достаточно ссылки на внеязыковые / внетекстовые факторы обоих типов, поэтому далее я буду использовать оба термина в довольно широком смысле, не оговаривая специально соотношения между ними.

Опираясь на сказанное выше, впредь я буду оперировать не столько понятиями «философского языка» и «философского текста», сколько понятием «философского дискурса» как явления, которое не сводится только к эксплицированным лингвотекстуальным компонентам, но определяется исходя из социально-коммуникативного контекста. В этом смысле важно не столько то, что *считает* «философским дискурсом» исследователь, сколько то, что *считается* таковым на определенном этапе интеллектуальной истории. Ученый, в целом сомневающийся в существовании такого предмета научного познания, полагает, что «восприятие конкретного текста в качестве “философского текста” производно от способов институциализации философской деятельности в конкретном историко-культурном и когнитивном контексте»¹⁵. Со своей стороны, я предлагаю считать такое определение достаточным применительно к термину «философский дискурс». По крайней мере, оно не позволяет редуцировать вопрос о дискурсивно-коммуникативной специфике философии к вопросу о стиле, жанре и видах текстuality¹⁶ и не расплывает эту специфику на десятки языковых, речевых и текстовых признаков и характеристик, как это часто происходит в филологических работах.

ся в исследованиях дискурса вместо слишком неопределенных «института» и «сообщества», но обоснование такого теоретического хода составляет отдельный сложный сюжет и не входит в мои задачи.

¹⁵ *Бойко В.* Философская мысль как дискурсивное событие // Критика и семиотика. Вып. 13. 2009. С. 30.

¹⁶ Ср: «Обладая свободой выбора способов своего выражения, философское знание имитирует различные дискурсивные стратегии, выступая не только в качестве “симулякра” науки, искусства, религии и т. д., но и в качестве парадигмы такого рода практики» (Там же. С. 30).

Инструментарий дискурс-анализа при условии необходимой исторической контекстуализации позволяет, ни в коей мере не мешая философской герменевтике, исследовать те специфические условия, при которых то или иное высказывание создается и воспринимается как философское. Понятие дискурса «шире», чем понятия языка (речи), стиля и текста как определенных характеристик высказывания: дискурс может накладывать те ли иные ограничения на употребление языковых средств (то есть определять отбор лексики, влиять на морфемистику и грамматику), стилистических приемов и текстовых моделей и структур (жанров). Такой подход, помимо прочего, позволяет увидеть, что факты использования поэзией философских терминов или философией — образных выражений, взаимные стилизации и даже появление «гибридных» текстов не снимают отличий между философией и литературой на уровне дискурса. Более того, всякого рода формы текстового и жанрово-стилистического сближения философии и литературы возможны именно благодаря тому, что пока в рамках нашей культуры принято эти дискурсы различать. И сами по себе «пограничные» феномены распознаются как «синкретизм», «конвергенция»¹⁷ или «интерференция»¹⁸ до тех пор, пока это различие существует¹⁹.

Если отталкиваться от того, что дискурс как коммуникативное событие должен быть охарактеризован с трех сторон — креативной, референтной и рецептивной²⁰, то можно наметить ключевые характеристики философского дискурса, рассматриваемые в современных исследованиях. В основном их авторы останавливаются на каком-то одном или двух из этих аспектов, что подчас не дает им возможности зафиксировать сам факт существования философского дискурса и речь в основном идет о «философском языке» или «философском тексте». Однако ряд ученых, не используя этого термина, описывают

¹⁷ См. упоминавшиеся выше работы Э. А. Бальбурова и Н. М. Азаровой.

¹⁸ См.: Кузнецов И. В. Историческая риторика: стратегии русской словесности. М.: РГГУ, 2007. С. 285—293.

¹⁹ Некоторые авторы говорят не о слиянии, а о дискурсивной неразличимости литературы и философии, см.: Brink M., Solte-Gresser Ch. Grenzen und Entgrenzungen. Zum Verhältnis von Literatur und Philosophie // *Écritures. Denk- und Schreibweisen jenseits der Grenzen von Literatur und Philosophie*. Tübingen: Stauffenburg, 2004.

²⁰ Тюна В. И. Дискурсные формации. Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 169.

именно философский дискурс. Пользуясь случаем, еще раз подчеркну, что разговор о дискурсной специфике философии заходит преимущественно в контексте ее сопоставления с литературой.

Например, в дискуссии, состоявшейся в 2009 г. в редакции журнала «Вопросы философии»²¹, В. А. Лекторский, четко различая собственно текст и контекст его производства и бытования, обращает внимание на решающее значение процедур обоснования (креативный аспект дискурса) и критической экспертной оценки (рецептивный аспект) для самого существования философского высказывания:

...Философские утверждения должны каким-то образом обосновываться. Это может выражаться в виде аргументации или же в использовании особого рода интеллектуальной техники, которая в принципе доступна каждому (вроде техники «феноменологической редукции» или анализа «языковых игр»). Философские тексты предполагают критическое обсуждение, т. е. определенную отстраненность от текста, и без этого не имеют права на существование²².

На этом — коммуникативном — уровне и, в частности, в том, что касается стратегий читательского поведения, художественная литература существенно отличается от философии:

Литература обладает перед философией тем преимуществом, что является уникальным способом приобщения к чужому опыту на основе воображения и вчувствования, эмпатии. Создаваемые литературой миры и воплощенные в них смыслы легко «интериоризируются», становятся как бы частью личного опыта²³.

Замечу, что подобное понимание познавательных возможностей литературы (прежде всего, художественного повествования) перекликается с представлениями современных исследователей о том, что художественный вымысел расширяет наши возможности, связанные с постижением альтернативных форм²⁴ опыта, погружением в сознание

²¹ Философия и литература: проблема взаимных отношений (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2009. № 9. С. 56—98.

²² Там же. С. 56.

²³ Там же.

²⁴ См.: *McCormick P. J. Fictions, Philosophies and the Problems of Poetics*. Ithaca: Cornell University Press, 1988.

другого²⁵ или даже навыками совместного (социального, интерментального) мышления²⁶.

Н. С. Автономова, обсуждая проблему языка философии, по сути приходит к неудовлетворительности этого термина:

Речь идет именно о том языке, которым реально пользуются философы, заимствуя его у предшественников и затем самостоятельно его прорабатывая. В этом языке есть и «референциальное», и «метафорическое», и конкретное и абстрактное, и логическое и нелогическое, содержательное и «стилевое». Эти компоненты философского языка находятся в разных сочетаниях и пропорциях, но всегда как-то взаимодействуют. Собственно говоря, само выражение «философский язык» — некая условность: философским языком можно считать различные виды и формы словесности (от строгой логичности до яркой поэтичности, в зависимости от того, как мы понимаем философию)²⁷.

В этом пассаже интересно обратить внимание на два важных момента. Во-первых, автор говорит не только о лексико-грамматических, стилистических и текстовых формах, специфичных для того сегмента языка, который обычно используется философами. Речь идет об определенных закономерностях наследования, воспроизводства и трансформации этого языка, то есть о его бытовании в институциональном контексте. Во-вторых, оказывается, что для создания философского текста могут привлекаться и иные жанрово-стилистические ресурсы, не относящиеся к какому-то устойчивому тезаурусу философии, и этим отбором средств управляет определенный принцип, который накладывает на этот отбор известные ограничения, что и позволяет читателю в итоге квалифицировать тот или иной текст как философский. В-третьих, «строгая логичность», «яркая поэтичность» или какая-то иная стилистическая окраска не делает философское высказывание научным или литературным, решающим оказывается режим восприятия (все зависит «от того, как мы понимаем философию»). Однако это не означает, что такое решение принимается читателем по произволу: режим восприятия определяется исходя из конвенций, свойственных

²⁵ См.: *Palmer A. Fictional Minds*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2004.

²⁶ См.: *Palmer A. Social Minds in the Novel*. Columbus: The Ohio State University Press, 2010.

²⁷ Автономова Н. С. Заметки о философском языке: традиции, проблемы, перспективы. С. 14.

корпорации или сообществу, в рамках которого функционирует текст (которые затем «доводятся» до общества в целом в качестве правил чтения). Таким образом, «философичность» философского высказывания зависит не от языковых, жанрово-стилевых и текстуальных, но от дискурсных параметров²⁸.

В последующих работах Н. С. Автономова еще более четко проговаривает мысль о том, что своеобразие философии не исчезает из-за ее интенсивных контактов с литературой и другими дискурсами. Особенно драматично этот сюжет представлен, по ее мнению, в творчестве Жака Деррида. При всей кажущейся «литературности» философствования Деррида он последовательно разграничивает два дискурса: «...Я никогда не уподоблял так называемый философский текст тексту так называемому литературному. Мне кажется, различие между этими типами не устранить»²⁹, — цитирует Автономова интервью 1988 г. и акцентирует внимание на том, что такое различие сохраняется несмотря на формальную (жанрово-стилистическую) близость: «Оба типа могут переплетаться в одном и том же своде текстов, следуя законам и формам, изучение которых не только интересно и ново, но и необходимо, если мы по-прежнему хотим ссылаться на что-то вроде “философского дискурса”, зная, о чем идет речь»³⁰. Важно отметить, что Деррида также ссылается на историчность проводимой границы и «условности, установления, интерпретации, которые производят или поддерживают... аппарат разграничения»³¹. Таким образом, существование «философского дискурса» в полном соответствии с базовыми положениями современной теории по большей части ставится в зависимость от характеристик контекста, нежели от свойств текста.

²⁸ Ср.: *Майоров Г. Г.* Философия как искание Абсолюта: Опыт теоретические и исторические. М.: Эдиториал УРСС, 2004. В книге Г. Г. Майорова показано, что выбор языка зависит не только от креативных и рецептивных установок, но и от того, что является предметом познания. Автор выделяет три типа философствования: софийный, эпистемический и технематический, при этом философией в собственном смысле является первый. Однако важно, что второй и третий типы, ориентированные на науку и технику соответственно, хотя и отклоняются от «первоначального смысла, который придали философии Пифагор, Сократ и Платон» (с. 21), все же остаются в орбите философского знания.

²⁹ *Деррида Ж.* Золы угасшей прах. СПб.: Академический проект, 2002. С. 92.

³⁰ Там же. С. 92, 93.

³¹ Там же.

Научное издание

Анатолий Викторович Корчинский

ФОРМАНТЫ МЫСЛИ

Литература и философский дискурс

Корректор О. Круподер

Художественное оформление переплета и
оригинал-макет И. Богатыревой

Подписано в печать 25.05.2015. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 18. Тираж 500. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».
№ госрегистрации 1037739118449.
Phone: **8-495-959-52-60**. E-mail: lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4
(Метро «Парк культуры»)